

В ноябре 2018 года исполнится 200 лет со дня рождения И.С. Тургенева (1818–1883). На президентском уровне с 2015 года объявлена кампания по подготовке к всероссийскому празднованию двухсотлетия писателя-классика; соответствующей правительственной программой предусмотрено выделение солидных денежных средств. Предполагается, что одним из центров юбилейных мероприятий станет Орёл – родина великого писателя.

Как здесь готовятся к предстоящим литературным торжествам?

Об этом решили побеседовать с нашим автором из Орла, доктором филологических наук, членом Союза писателей России Аллой Анатольевной Новиковой-Строгановой. Её перу принадлежит книга **«Христианский мир И.С. Тургенева»** (Рязань: Зёрна-Слово, 2015. – Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви). За эту книгу Алла Анатольевна была удостоена Золотого диплома VI Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (Ставрополь, 2015); за цикл работ о творчестве Достоевского ей был вручён «Бронзовый витязь» – награда VII Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (Ставрополь, 2016).

– Как в Орле сохраняется память о Тургеневе?

– В преддверии 200-летнего юбилея Тургенева рождаются размышления неюбилейные. Великий писатель-орловец, благодаря которому провинциальный Орёл прославился доброй славой во всём цивилизованном мире, сейчас мало кому помнится на его родине. Знаменательные события, связанные с именем классика, не пробиваются на широкий общественный простор сквозь узилище кафедральных междусобойчиков, заточение кулуарных музейных посиделок да запылённых библиотечных выставок.

Создаётся впечатление, что, кроме редких заорганизованных «мероприятий», подобных бутафорскому «тургеневскому празднику», который уже давно стал частью многолетней непрекращающейся пиар-кампании депутата-чиновника М.В. Вдовина, Тургенев и его творчество – по отзыву Салтыкова-Щедрина, «начало любви и света, в каждой строке бьющее живым ключом», – никому не нужны, не интересны. Где уж тут выбрать время для гармоничной прозы, после

прочтения которой «легко дышится, легко верится, тепло чувствуется», «ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора», – иные заботы одолели: всё жёстче сжимаются тиски «торговой кабалы», засасывает в смрадное болото «тина мелочей», заплывает телом душа.

Люблю и помню старый Орёл – тихий, зелёный, уютный. Тот самый, что, по известным словам Лескова, «вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу Родины никакой другой русский город».

Сегодняшний Орёл безвозвратно утратил своё былое очарование. Город изуродован капиталистической застройкой на каждой выгодной пяди земли. Варварски снесены многие старинные здания – памятники архитектуры. На их месте высятся монстры: торговые центры, гостиничные и развлекательные комплексы, фитнес-клубы, питейные заведения и прочее. На окраинах расчищают места под уплотнённую застройку, вырубаят рощицы – наши «зелёные лёгкие», которые хоть как-то спасали от смрада, смога и выхлопов бескончаемых автомобильных пробок. В центральном городском парке – и без того небольшом – губят деревья. Старые липы, клёны, каштаны гибнут под бензопилой, а на их месте появляются очередные уродливые чудища – безобразные забегаловки вкупе с биотуалетами. Прогуляться и просто подышать чистым воздухом горожанам уже негде.

Не уберётся от изуверского нашествия «торговой кабалы» и Тургеневский бережок, названный так ещё в XIX веке, – знаменательное место на высоком берегу Оки, где установлен памятник Тургеневу. На эту достопримечательность указал в своё время землякам-орловцам Лесков: «Отсюда, – писал Николай Семёнович, – знаменитое дитя впервые окидывало

своими глазами небо и землю, и, может быть, здесь же было бы хорошо поместить памятный знак с обозначением, что в Орле увидел свет Тургенев, пробудивший в своих соотечественниках чувства человеколюбия и прославивший свою родину доброю славою во всём образованном мире».

Теперь фоном для памятника всемирно известному великому русскому писателю служит режущая глаз надпись «СОСА-COLA» на ярко-красной тряпке, что мотается над торговой точкой, обосновавшейся здесь же – на Тургеневском берегу. Перекинулась торгашеская зараза на родине писателя и на его произведения. Их названия служат в Орле вывесками доходных торговых сетей: «Бежин луг», «Малиновая вода», коммерческого издательства «Вешние воды». Так же приспособливают под продажные нужды Лескова: умудрились опошлить дивное именование его замечательной повести, выстроили гостиницу с рестораном «Очарованный странник».

На моей памяти было и ещё нечто более устрашающее. В 1990-е годы, о которых теперь повсеместно принято упоминать не иначе как «лихие девяностые», в Орле продавали вино кроваво-красного цвета с этикеткой «Леди Макбет Мценского

уезда»... А в настоящее время бронзовые фигуры орловских писателей, запрятанные между уродливыми громадами сооружений торгово-развлекательного комплекса «ГРИНН», служат приманкой для завлечения покупателей и клиентов.

Голос людей, равнодушных к облику и судьбе города, отданного на растерзание, на распродажу, – не более чем глас вопиющего в пустыне. Законами капиталистического рынка обыватели ввергнуты в звериную борьбу за существование по принципу «глотай других, пока тебя не проглотили». Большинство людей поглощено элементарными проблемами выживания: как оплатить всё нарастающие цифры налоговых уведомлений и квитанций ЖКХ, на чём сэкономить до зарплаты, до нищенской пенсии... До литературы ли тут?

И всё же, как говорил Лесков, прибегая к евангельской образности, «литература у нас есть соль», и нельзя допустить, чтобы она «рассолилась», иначе «*чем сделаешь её солёною*» (Мф. 5:13)?

– Книга о Тургеневе и другие ваши работы написаны с православных позиций.

– Отеческая вера для меня родная. Как коренной жительнице Орла во многих поколениях мне дорого воспоминание, что мой дедушка по отцовской линии, которого я знаю только по фотографии (он умер до моего рождения), был певчим в кафедральном Никитском соборе, построенном ещё в XVIII веке. Здесь же меня крестили. Не в младенчестве, а когда мне исполнилось уже семь лет – перед школой... Настояла стародавняя и деятельная прихожанка Никитской церкви – моя бабушка. Она же и научила меня первым молитвам: «Пресвятая Троица», «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся»...

Несколько лет назад, войдя в храм, испытала горестное чувство утраты. Сердце сжалось болезненно, когда не увидела

на стене «Пастыря доброго». Настенную роспись скрыл под толстым слоем штукатурки обезличивающий, стереотипный евроремонт церковного строения.

Благодарение Богу – теперь Христос-Пастырь со своим стадом вновь явился на прежнем месте. До сих пор подолгу благоговейно могу стоять перед этим благодатным образом: *«Аз есмь пастырь добрый; и знаю Моих, и Мои знают Меня. Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца; и жизнь Мою полагаю за овец»* (Ин. 10: 14–15).

– Не так давно Орловскому государственному университету присвоено имя Тургенева. Какие изменения произошли в этой связи?

– Этот достопримечательный факт, казалось бы, должен был всколыхнуть общественную литературно-просветительскую работу университета. Особенно кафедра русской литературы призвана была очнуться от летаргии, в которой пребывает уже многие годы. Имя Тургенева для университета – не просто дар, но и задание: показать образец понимания и преподавания тургеневского творчества, стать центром научного тургеневедения, популяризации творчества писателей-классиков и в Орле, и в России, и за рубежом. Тургенев жизнь свою положил, в том числе на переводы произведений русской литературы, чтобы познакомить с ней Европу; основал во Франции первую русскую библиотеку. Личность и творчество писателя светят на весь мир.

Однако на этой ниве никакого воодушевления и подъёма в ОГУ не наблюдается. Присвоение учебному заведению имени великого писателя-земляка остаётся простой, хотя и помпезной, формальностью. Только подновился интерьер в просторном ректорском кабинете – на руководительском столе поставили бюст да повесили на стене большой портрет Тургенева.

А филологический факультет, без которого немислим никакой классический вуз, угасает. Нет студентов, потому что специальность стала считаться непрестижной – слишком неприбыльная, бездобычливая. Учёных-тургеноведов – горячих пропагандистов творчества писателя – после смерти доцента В.А. Громова и профессора Г.Б. Курляндской на факультете не осталось. Преподаватели в апатии, пытаются кое-как выжить. Многие перебиваются частными уроками, репетиторством, натаскиванием школьников к сдаче ОГЭ и ЕГЭ (жуткие какие-то аббревиатуры, до сих пор режут слух).

Но преподавателям литературы требуется не просто вяло занимать места и не прикрываться вывеской – здесь нужно особое служение, горение духовное. Когда «душа требует, совесть обязует, тогда и сила большая будет», – так учил святитель Феофан Затворник, ещё один великий наш земляк – духовный писатель.

Не находится занятий на филологическом факультете и высококвалифицированным специалистам. Будучи доктором филологических наук, я слышала от ректора университета О.В. Пилипенко: «Для вас у нас места нет». В таких условиях создание книг, статей, выступления на конференциях, просветительская деятельность расцениваются не как труд, требующий напряжённой работы ума, души, колоссальных затрат времени и физических сил, а как «хобби» на энтузиазме и без оплаты.

Зато развиваются в университете имени Тургенева такие направления образования, как торговое дело, реклама, товароведение, гостиничное дело, сервис и туризм. Кому уж тут вспоминать о Тургеневе? Есть вывеска – и довольно...

В нашем городе имеются и другие места, связанные с именем писателя: улица, театр, музей. Памятник – на берегу Оки. Бюст – в заповедном уголке Орла «Дворянское гнездо», кото-

рое уже потеснено элитной застройкой местных нуворишей. Но живого духа Тургенева и его благодатного творчества не ощущается. Тургенев для большей части орловцев не более чем бронзовая фигура на постаменте или истёртая полузабытая страница школьного учебника.

Многие ли сейчас в России помнят и знают тургеневское творчество? «Муму» – в младшей школе, «Бежин луг» – в среднем звене, «Отцы и дети» – в старших классах. Вот и весь набор поверхностных представлений.

До сей поры в школах учат в основном «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». Литературу «проходят» (в буквальном смысле: проходят мимо литературы) как занудную обязательку. Русская классика в школе ещё не прочитана, её духовный смысл часто ускользает и от учеников, и от самих учителей. Зачастую преподают русскую литературу так, чтобы навсегда отбить охоту возвращаться к ней в дальнейшем, перечитывать и постигать её на новых уровнях «разумения о смысле жизни».

Среди всех остальных учебных предметов единственно литература не столько школьный предмет, сколько формирование человеческой личности, воспитание души. Русская классика, подобно Новому Завету, всегда нова и актуальна, даёт возможность соединять времена. Однако до настоящего времени христиански одухотворённая отечественная словесность искажается, преподносится с атеистических позиций в подавляющем большинстве учебных заведений. Так что они вполне подходят под определение, данное в одноимённой статье Лескова о школах, где не преподавался Закон Божий, «Безбожные школы в России».

Кроме того, скудные часы, отведённые в нынешней школьной программе на изучение литературы, из года в год урезаются. Неужели столь силён страх чиновников от образования

перед честным словом русских писателей и так сильна ненависть к отечественной литературе и её «божественным глаголам», призванным «жечь сердца людей»? Кому и для чего выгодно вылепливать в «безбожных школах» безбожников, подменяя ложными идеалами и кумирами «вековечный, от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» (по глубоко духовному суждению Достоевского) – Христа?

– О Тургеневе не принято говорить как о христианском писателе. По большей части его представляют как «атеиста», «либерала», «западника», «русского европейца».

– К сожалению, это не только атеистические либо иноверческие трактовки, лукаво насаждаемые, как плевелы среди пшеницы, на протяжении долгих десятилетий.

Ещё Лесков писал о том, как «многokrатно, грубо и недостойно оскорбляем наш благородный писатель» – «представитель и выразитель умственного и нравственного роста России». Либералы действовали «грубо, нахально и безразборчиво»; консерваторы «язвили его злоехидно». Тех и других Лесков уподоблял, используя сравнение Виктора Гюго, хищным волкам, «которые со злости хватались зубами за свой собственный хвост». По лесковскому замечанию, «осмеять можно всё, как всё можно до известной степени опошлить. С лёгкой руки Цельзия было много мастеров, которые делали такие опыты даже над самым учением христианским, но оно от этого не утратило своего значения». Некоторые начётники также готовы исключить Тургенева из ряда писателей-христиан, руководствуясь своими мерками: «Сколько раз ходил в церковь? Принимал ли участие в обрядах? Часто ли исповедовался, причащался?»

Однако с такими вопросами к душе человеческой вправе лишь Бог подходить. Хорошо бы здесь припомнить настав-

ление апостольское: *«Не судите никак прежде времени, пока не придет Господь»* (1 Кор. 4:5).

Только в самые последние годы жизни профессор Курляндская (а прожила она без малого сто лет) не смогла не признать, что Тургенев в своём творчестве делал «определённые шаги на пути к христианству». Однако даже в такой робкой формулировке этот тезис не прижился. До сих пор и в профессиональном литературоведении, и в обыденном сознании укоренилось превратное представление о Тургеневе как об атеисте. В качестве аргументов беспардонно пошли в ход и некоторые тургеневские высказывания, иезуитски выдернутые из контекста, и образ жизни – по большей части вдали от родины, «на краю чужого гнезда», и даже обстоятельства смерти писателя.

При этом никто из сторонников такой безблагодатной позиции не явил в собственной жизни высоких образцов ни святости, ни аскетизма, ни праведничества, ни выдающегося таланта. Добротолюбие учит: *«Кто возбраняет устам своим пересуждать, тот хранит сердце своё от страстей, тот ежечасно зрит Бога»*. По всей видимости, «обвинители», «пересуждающие» жизнь и творчество писателя, далеко отстоят от христианства и евангельских заповедей неосуждения: *«Не судите, да не судимы будете; Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить»* (Мф. 7:1–2).

Всем ли удастся в своё время сподобиться *«христианской кончины живота нашего, безболезненной, непостыдной, мирной, и доброго ответа на Страшном суде Христовом»*, о чём молится Церковь? Что будет с каждым из нас по выходе из «кожаной ризы», надетой на земле? Не может не замереть душа перед этими вопросами. Но ответ только «на Страшном суде узнаем», – как любил повторять христианский писатель Сергей Нилус.

В Боге, возвестившем: «*Аз есмь Истина, и Путь, и Жизнь*» (Ин. 14:6), – единственно истинный подход к любому явлению жизни. «*Кто учит иному, – говорит апостол Павел, – и не следует словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражён страстью к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения, пустые споры между людьми повреждённого ума, чуждыми истины*» (1 Тим. 6:3–5).

Господь каждому даёт свои таланты и свой крест – по плечам и по силам. Так что взваливать все кресты непосильной ношей на одного человека невозможно. У каждого свой крест. Как писал наш современник, убиенный поэт Николай Мельников в поэме «**Русский крест**»:

*Крест взвали себе на плечи,
Он тяжёл, но ты иди,
Чем бы ни был путь отмечен,
Что б ни ждало впереди!
– В чём же крест мой? Кто же знает?
На душе – один лишь страх!
– Всё Господь определяет,
Всякий знак – в Его руках.*

Тургеневу хватило его собственного креста, чтобы прославить своё Отечество доброю славой во всём мире. В год кончины Тургенева его друг, поэт Я.П. Полонский говорил: «И один рассказ его “Живые мощи”, если б он даже ничего иного не написал, подсказывает мне, что так понимать русскую честную верующую душу и так всё это выразить мог только великий писатель».

По воспоминаниям французского писателя Анри Труайя, Тургенев обнаруживал, что «неспособен написать роман, повесть, главными действующими лицами которых не были бы русские люди. Для этого нужно было поменять душу, если

не тело». «Мне для работы, – скажет он Эдмону де Гонкуру, – нужна зима, стужа, какая бывает у нас в России, мороз, захватывающий дыхание, когда деревья покрыты кристаллами инея... Однако ещё лучше мне работается осенью в дни полного безветрия, когда земля упруга, а в воздухе как бы разлит запах вина...» Эдмон де Гонкур заключал: «Не закончив фразы, Тургенев только прижимал к груди руки, и жест этот красноречиво выражал то духовное упоение и наслаждение работой, какие он испытывал в затерянном уголке старой России».

Космополитом Тургенев никогда не был и родиной своей не торговал. Где бы писатель ни жил – в столицах или за границей, неизменно душой он стремился в своё родовое имение Спасское-Лутовиново Мценского уезда Орловской губернии. Здесь всегда перед его взором был древний фамильный образ Спаса Нерукотворного.

Нельзя без волнения читать строки письма Тургенева к Ж.А. Полонской от 10 августа 1882 года – за год до смерти: «Продажа Спасского была бы для меня равносильною с окончательным решением никогда не возвращаться в Россию, а я, несмотря на болезнь, питаю надежду провести всё будущее лето в Спасском, а в Россию вернуться в течение зимы. Продать Спасское значит для меня – лечь в гроб, а я ещё желаю пожить, как ни мало красна жизнь для меня в настоящее время».

В своём художественном творчестве Тургенев изображал жизнь в свете христианского идеала. Но все грубые наслоения хрестоматийного глянца, вульгарно-идеологических трактовок и домыслов зачастую не позволяют современному читателю пробиться к истинному смыслу писательского наследия, посвятить ему углублённое осознанное прочтение. Вникнуть в произведения Тургенева заново, осмыслить его

творчество с христианских позиций – задача важная и благотворная. Об этом моя книга.

Писатель показал, что именно духовное, идеальное содержание – основа человеческой личности; ратовал за восстановление в человеке образа и подобия Божия. Из этого во многом соткано таинство поэтики Тургенева, его дивных художественных образов.

Среди них – «истинно преподобная» праведница и страдальца Лукерья («**Живые мощи**»). Плоть героини умерщвлена, но дух её возрастает. *«Посему мы не унываем, – учит апостол Павел, – но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется»* (2 Кор. 4:16). «Тело Лукерьи почернело, а душа – просветлела и приобрела особенную чуткость в восприятии мира и правды высшего, сверхмирного бытия», – справедливо отмечал выдающийся богослов XX века архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Этой тургеневской героине, почти бестелесной, открываются высшие сферы духа, не выразимые в земном слове. И не только ей, но прежде всего – писателю, создавшему её образ. Так же, как и «тишайший» образ истинной православной христианки Лизы Калитиной – кроткой и самоотверженной, нежной и мужественной – главной героини романа «**Дворянское гнездо**».

Весь этот роман овеян молитвенным пафосом. Источник особой молитвы проистекает не только из частного несчастья главных героев – Лизы и Лаврецкого, но из общих многовековых страданий земли русской, русского народа-страстотерпца. Неслучайно писатель-христианин орловец Б.К. Зайцев объединил тургеневских героинь – молитвенницу Лизу и страдальцу Лукерью – с реальной крестьянской девушкой-мученицей, одинаково расценивая их всех в общерусском православном смысле как «заступниц» перед Богом за Русь, за русский народ: «Лукерья такая же заступница за Россию и

всех нас, как смиренная Агашенька – раба и мученица Варвары Петровны <матери Тургенева>, как Лиза».

Стихотворение в прозе «**Два богача**» показывает неизмеримое духовное превосходство русского человека из народа, замученного и ограбленного угнетателями всех мастей, над богатейшим в мире банкиром-евреем.

Ротшильд имеет возможность без труда и ущерба для своих капиталов отщипывать куски на благотворительность от сверхприбылей, нажитых грабительскими ростовщическими махинациями. Русский мужик, ничего не имея, душу свою полагает за ближнего, буквально следуя заповеди Христа «*Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя*» (Ин. 15:13). Какой огромный смысл в крохотном по объёму тургеневском тексте:

«Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых – я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разорённый домишко.

– Возьмём мы Катьку, – говорила баба, – последние наши гроши на неё пойдут, – не на что будет соли добыть, похлёбку посолить...

– А мы её... и не солёную, – ответил мужик, её муж.

Далеко Ротшильду до этого мужика!»

Каждая проникновенная строка Тургенева, обладавшего способностью соединить прозу с поэзией, «реальное» с «идеальным», овеяна одухотворённым лиризмом и сердечным теплом, несомненно, идущим от «Бога живого» (2 Кор. 6:16), «В Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. 2:3), «Ибо всё из Него, Им и к Нему» (Рим. 11:36).